

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИИ

А.А. Дынкин

ДЫНКИН Александр Александрович, доктор экономических наук, академик РАН, президент, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: dynkin@imemo.ru

Дынкин А.А. 2024. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8-23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>. EDN: ETDUKS

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 “Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве”.

Автор выражает благодарность коллегам по ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Р.И. Капелюшникову, В.Д. Миловидову, И.С. Семенову, И.В. Данилину, С.В. Жукову, К.В. Богданову, А.П. Гучановой за консультации и помощь в подготовке статьи.

Статья поступила в редакцию: 05.07.2024. Принята к публикации: 25.07.2024

8

Аннотация. В статье рассматриваются длинные макротренды и краткосрочные тенденции трансформации мирового порядка. Вводится авторская классификация систем международных отношений и предлагается интерпретация закономерностей их смены. Автор оценивает историческую динамику балансов экономической и военной мощи государств, влияние идеологий, технологического прогресса, демографических процессов на архитектуру будущего постоднопольного мирового порядка. Ее контуры определяются противоречивым набором факторов, действующих как в сторону многополярности, так и в направлении новой биполярности.

Ключевые слова: мировой порядок, системы международных отношений, технологический прогресс, демографические тенденции, идеология, совокупный фактор производительности, полицентризм (многополярность), новая биполярность.

Концепция *многополярного (многополюсного, или полицентричного) мирового порядка*¹ впервые была сформулирована академиком Е.М. Примаковым в 1996 г. [Примаков 1996]. Как и все новое, она не сразу была принята, однако явилась существенным вкладом в отечественную и мировую теорию международных отношений, стала мощной альтернативой западным подходам, прежде всего выдвинутому в работе С. Хантингтона “Столкновение цивилизаций” [Huntington 1993]. Она легла в основу реализованной Е.М. Примаковым идеи трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии, которая затем получила практическое воплощение в форме группы стран БРИКС. К настоящему времени идея многополярности признана в мировой политологии, вошла в систему понятий и язык международной дипломатии, используется в доктринальных документах РФ. В 2015 г. мы предложили сценарий *новой*

¹ Мировой порядок, или система международных отношений, – устойчивый набор институтов и норм военно-политических и экономических отношений, оформленный институционально и легитимный в международно-правовом смысле. Мировой порядок стабилен на протяжении активной жизни как минимум одного поколения – универсальной величины измерения социального времени. В результате геополитических макрокризисов возникают и нелегитимные системы, силовым образом навязанные победителем. Таким был однопольный мировой порядок.

биполярности² как один из вариантов мирового развития. Сегодня многие исследователи, как китайские, так и американские³, говорят о формировании китаецентричного и американоцентричного полюсов.

Обсуждению дихотомии “многполярность – новая биполярность” посвящена данная статья.

ДЛИННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ МАКРОТРАНСФОРМАЦИИ

Мировая история свидетельствует, что новый мировой порядок возникает, как правило, *после завершения очередной войны* (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Система международных отношений (мировой порядок)

International Relations System (World Order)

Система международных отношений	Период	Гаранты	Особенности
Венская, после Наполеоновских войн	1815-1914 99 лет	Россия, Австрия, Пруссия, Франция, Великобритания	Введен принцип сохранения баланса сил. Сформировано понятие “великая держава”. Получила оформление многосторонняя дипломатия. Однородность участников – все члены “европейского концерта” – монархии
Версальская, после Первой мировой войны	1918-1939 21 год	Франция, Великобритания, США	Впервые в число великих держав включены неевропейские государства – США и Япония. Создана наднациональная организация – Лига Наций. Победенные государства дискриминированы
Ялтинско-Потсдамская, после Второй мировой войны	1945-1991 46 лет	СССР, США, Великобритания, Франция, Китай	Создание международных институтов: ООН, МВФ, Всемирного банка и проч. Формирование биполярности, идеологическая и политическая конфронтация, политика ядерного сдерживания
Однополярная (Вашингтонский консенсус), после холодной войны	1992-2022 30 лет	США – единолично	Формирование новой системы без мирного договора после окончания холодной войны. Отсутствует концептуальная, институциональная и юридическая основа

Источник: систематизация А.А. Дынкина, ИМЭМО РАН.

“Кухней”, где готовился мировой порядок, обычно выступала Европа. Возьмем последние 200 лет. После окончания наполеоновских войн возникла Венская система, которая просуществовала 100 лет. Вековая устойчивость этой системы связана с однородностью политической организации ее стран-гарантов. Все члены “европейского концерта” были монархиями. После Первой мировой войны возникла Версальская система, которая продержалась недолго, всего 20 лет. Одна из причин ее короткой жизни – исключение из нее СССР, Германии и Китая. Ялтинско-Потсдамская система формировалась победителями во Второй мировой войне. Ее гарантами выступали державы “большой тройки” – СССР, США, Великобритания, а также Франция и Китай. Три

² Dynkin A., Burrows M. Here’s the playbook for getting U.S.-Russian cooperation back on track. *The National Interest*, 07.12.2015. <https://nationalinterest.org/feature/heres-the-playbook-getting-us-russian-cooperation-back-track-14527> (accessed 22.07.2024).

³ См., например, [Yan Xuetong 2016; Kupchan 2021].

проигравшие державы – Германия, Япония и Италия – были дискриминированы. Эта система просуществовала 45 лет и мыслилась как полицентричная, но быстро выродилась в биполярную. Началась холодная война. С распадом СССР и роспуском Варшавского Договора она превратилась в однополярную, с доминированием Запада, прежде всего США, и, конечно, не учитывала интересы России, а с 2018 г. началась дискриминация и Китая. Февраль 2022 г. можно считать формальной датой ухода в прошлое однополярного мира. Но до обретения новой постоднопольярной системы устойчивости пройдет, насколько можно сегодня спрогнозировать, не менее десяти лет.

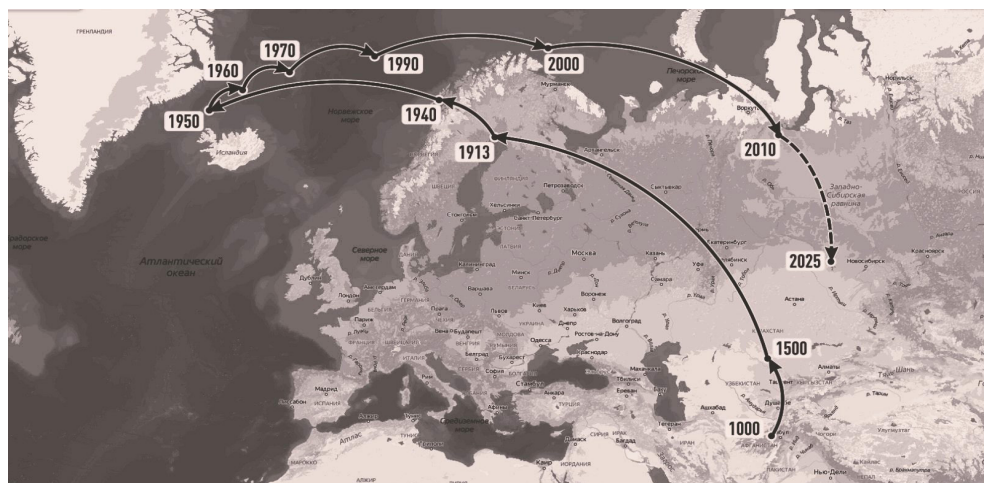
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДОЛГИХ ГЛОБАЛЬНЫХ МАКРОТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Центр экономической гравитации – пространственный индикатор экономической силы государств, заимствованный из физики. Упрощая, можно сказать, что это географическая точка равновесия ВВП, торговых и инвестиционных потоков стран. На рис. 1 представлена карта смещения планетарного центра экономической гравитации за тысячу с лишним лет. Оно, условно, началось в Центральной Азии, на территории Газневидского государства (современный Афганистан). Затем центр сместился на северо-запад, а разруха в послевоенной Европе резко (всего за 10 лет) вытолкнула его на Запад, в район Гренландии. Позже он развернулся на Восток. Самый резкий сдвиг, в 2000–2010 гг., со склонением на юго-восток связан с возвышением Китая. Центр экономической гравитации практически вернулся по меридиану, но остался севернее точки старта более чем на 2000 км, что говорит о возврате к тысячелетнему балансу экономической силы между Западом и Востоком.

10

Рисунок 1 (Figure 1)

“Путешествие” центра трехмерной экономической гравитации
 “Journey” of the center of three-dimensional economic gravity

Источник: Dobbs R., Remes J., Manyika J. et al. Urban world: Cities and the rise of the consuming class. McKinsey Global Institute, 2012. <https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/urban-world-cities-and-the-rise-of-the-consuming-class> (accessed 01.12.2023).

Статистические расчеты ИМЭМО РАН за 60 мирных лет (1960–2021) говорят об устойчивости широтного (горизонтального) положения центра. Это указы-

вает на относительно стабильную пропорцию производства ВВП странами географического Юга и странами Севера при ведущем экономическом весе Северного полушария. Сдвиг на Восток также отчетливо подтвердился.

Согласно нашим прогнозам до 2050 г., будущее положение планетарного центра экономической активности окажется на границе Индии и Китая. Этот метод анализа показывает высокую инерционность во времени и географическую монотонность изменений балансов экономической силы государств, а также свидетельствует о том, что войны могут довольно резко деформировать естественный ход вещей.

Метод центра гравитации можно применить и к арсеналам стратегических и тактических вооружений (см. рис. 2). Так, в период Карибского кризиса США обладали огромным преимуществом, но затем прослеживается четкий северо-восточный маршрут – создание превосходящего ядерного потенциала в СССР. С началом контроля над вооружениями (1993 г.) возникла возвратная петля с направлением на юго-запад. Затем вираж на восток с предполагаемым склонением к югу: эта тенденция отражает рост ядерных арсеналов Индии, Пакистана, Северной Кореи и бурное строительство стратегических и тактических ядерных сил в КНР. Центр военной гравитации движется вслед за экономическим центром с лагом в 20 лет и отражает геополитические амбиции азиатских держав. Эти интерпретации также однозначно свидетельствуют о конце однополярности и позволяют говорить об установлении многополярности.

Рисунок 2 (Figure 2)

Движение центра гравитации ядерного арсенала
Moving center of gravity of the nuclear arsenal

Источник: расчет К. Богданова, Центр международной безопасности ИМЭМО РАН, по данным *Bulletin of the Atomic Scientists*. <https://thebulletin.org/nuclear-notebook/> (accessed 21.07.2024).

Технологии. Политики, как правило, технооптимисты. Б. Обама предсказывал, что 3D-печать перевернет мир⁴. Дж. Буш-мл. уверял, что расшифровка генома произведет революцию в медицине⁵. Сплошные фальстарты.

⁴ Remarks by the President in the State of the Union Address. *The White House. President Barack Obama*, 12.02.2013. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address> (accessed 21.07.2024).

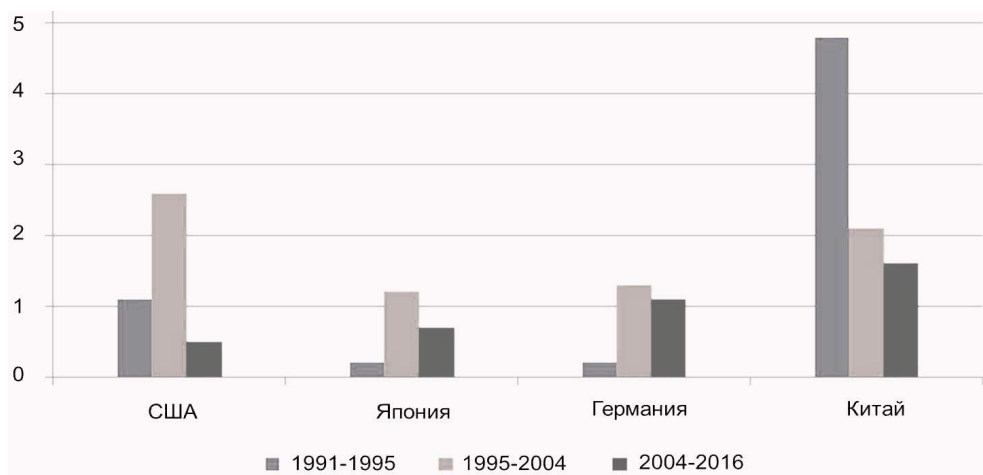
⁵ President Bush Calls on Senate to Back Human Cloning Ban. Remarks by the President on Human Cloning Legislation. The East Room. *The White House. President George W. Bush*. 10.04.2002. <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/04/20020410-4.html> (accessed 21.07.2024).

Экономисты традиционно измеряют темпы технологического прогресса (ТП) с помощью показателя совокупной факторной производительности (СФП). Упрощая, это та часть экономического роста, которая объясняется не увеличением затрат факторов производства — труда и капитала, а повышением эффективности их использования. Под технологическим прогрессом понимается не только собственно генерация новых научных и технологических идей, но обязательно их массовое тиражирование. Без экономической верификации результатов широкого распространения нововведений научные или технологические достижения остаются в истории как блестящие технологические прорывы, которые имеют локальное экономическое воздействие, но дают повод для публицистических (в лучшем случае) обобщений в виде “четвертой промышленной революции” или “шестого уклада”. Статистические замеры строятся по данным стран — технологических лидеров, в то время как у стран догоняющего развития есть резерв для роста, а именно приближение к фронтиру ТП, т.е. освоение и улучшение уже имеющихся идей и технологий. Технологические лидеры тратят больше ресурсов на продвижение фронта ТП, тогда как догоняющие могут ускоряться с меньшими затратами, находясь, условно говоря, в “аэродинамической тени” лидеров.

Динамика прироста индикатора СФП в развитых странах на протяжении многих лет устойчиво снижается, это особенно заметно с середины 2000-х годов. Сегодня прирост ниже 1,5% и даже 1% в год (см. рис. 3).

Рисунок 3 (Figure 3)

Среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности, %
Average annual growth rate of total factor productivity, %

Источник: расчет ИМЭМО РАН по данным *International Productivity Monitor*. No. 38, Spring 2020. [https://documents1.worldbank.org/curated/en/833871568732137448/pdf/Innovative-China-New-Drivers-of-Growth.pdf](http://www.csls.ca/ipm/ipm38.asp#:~:text=Martin%20Neil%20Baily%2C%20Barry%20P.%20Bosworth%20and%20Siddhi%20Doshi%0ALessons%20from%20Productivity%20Comparisons%20of%20Germany%2C%20Japan%2C%20and%20the%20United%20States%2%A0; Innovative China: new drivers of growth. World Bank Group, and the Development Research Center of the State Council, P.R. China. 2019. Washington, DC: World Bank. <a href=) (accessed 21.07.2024).

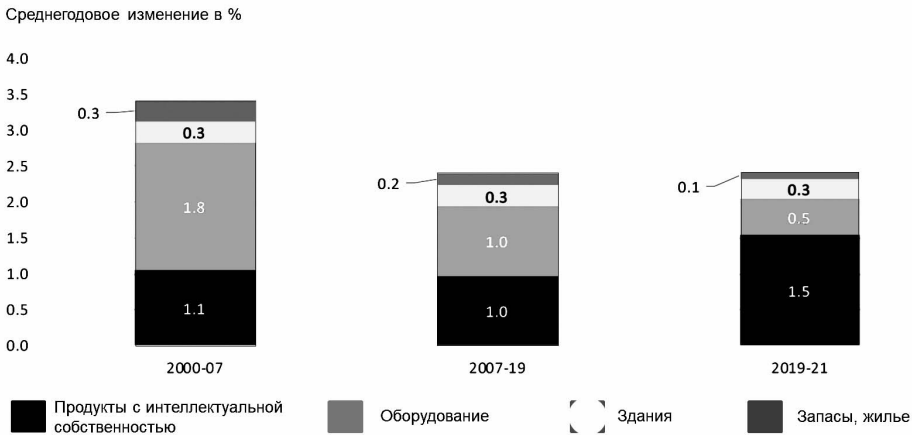
Сходная картина резкого замедления СФП наблюдалась и в Китае. Консенсусная интерпретация этой статистики сводится к тому, что основные

эффекты третьей промышленной (т.е. компьютерной) революции оказались по большей части исчерпаны, а новых прорывных технологий всеобщего назначения (таких как электричество, двигатели внутреннего сгорания или компьютеры и мобильная связь) не появилось.

Но похоже, что интеллектуализация технологий и подходов к управлению проектами, а также информатизация просто не укладываются в сложившиеся много лет назад взгляды на прогресс исключительно в традиционных факторных категориях. Растут масштабы знания, происходит формирование новых специальностей, возрастает роль эмоционального интеллекта, когнитивных функций. Все это драматически меняет структуру капитальных активов (см. рис. 4). С начала XXI в. и до кризиса 2008 г. (2000–2007) больше 50% увеличения вклада капитала (инвестиций) в рост выпуска продукции приходилось на оборудование, а в 2019–2021 гг. почти 63% такого увеличения давали уже активы с интеллектуальной собственностью. Этот результат наших исследований говорит о перефокусировке технологического прогресса с конечной продукции на интеллектуальные технологии, что позволяет производить спектр инновационных продуктов и услуг, ориентированных на высокосегментированный спрос.

Рисунок 4 (Figure 4)

Трансформация структуры капитала в частном секторе США
Transformation of the capital structure in the US private sector

Источник: Total Factor Productivity for Major Industries – 2022. U.S. Bureau of Labor Statistics. https://www.bls.gov/news.release/archives/prod3_03232023.htm (accessed 02.12.2023).

Сейчас появились надежды на то, что темпы технологического прогресса могут ускориться под влиянием разработки технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые дадут старт новой промышленной революции. Косвенным признаком ее приближения служит резкий рост в 2020–2022 гг. индексов возникновения и гибели компаний в американской экономике⁶. Усилился и перелив рабочей силы из теряющих эффективность компаний

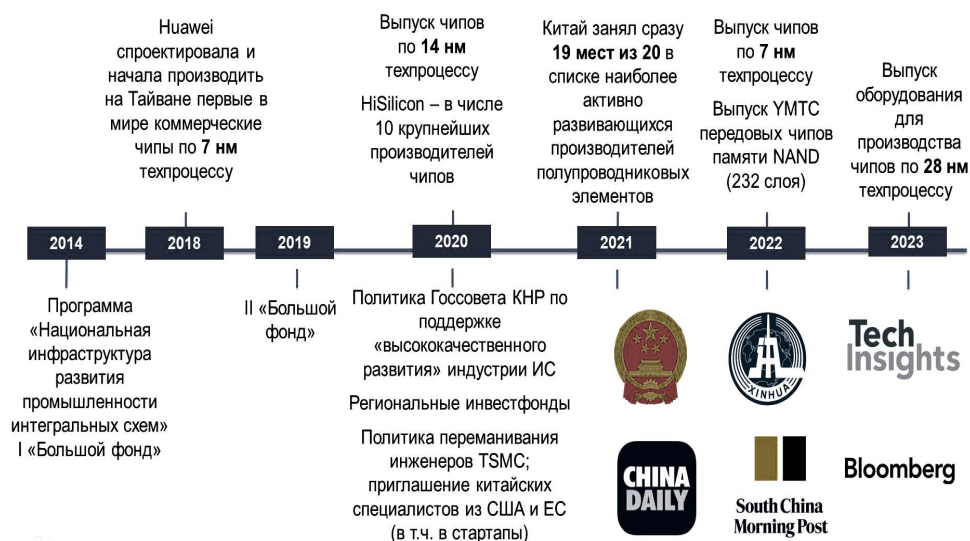
⁶ Private sector establishments birth and death, seasonally adjusted. U.S. Bureau of Labor Statistics, 25.10.2023. <https://www.bls.gov/news.release/cewbd.t08.htm> (accessed 1.12.2023)

в корпорации с увеличивающейся долей рынка. Это своего рода опережающие индикаторы, которые свидетельствуют о приближении структурных результатов ТП. Похожие события происходили 30 лет тому назад, на пороге компьютерной революции. Отмеченная выше интеллектуализация основного капитала, в использовании которого будет применяться доверенный искусственный интеллект, придает реалистичность этим надеждам. Кроме того, ИИ – одна из критических областей технологического суверенитета. Неслучайно В.В. Путин назвал ИИ “сквозной, универсальной и, по сути, революционной технологией”⁷. Президент России объявил о подготовке новой редакции Национальной стратегии развития ИИ и соответствующего указа. Думаю, что подобная фокусировка приоритета оправданна. Опыт КНР в полупроводниковой гонке – неплохая модель такой фокусировки (см. рис. 5). Ее характерная черта – ориентация на компании как драйверы развития при массивной, кумулятивно нарастающей господдержке.

Рисунок 5 (Figure 5)

Фокусировка на приоритетах КНР (гонка нанометров)
Focusing on China's priorities (nanometre race)

14

Источник: систематизация И.В. Данилина, ИМЭМО РАН.

Американская стратегия сдерживания технологического развития России (по всем направлениям) и Китая (в сфере полупроводников, искусственного интеллекта, квантовых вычислений и электроавтомобилей) ведет к ожесточенной конкуренции в сфере высоких технологий, чреватой фрагментацией, диверсификацией технических стандартов, юридических норм и правил. И это аргумент в пользу новой биполярности.

Демографические процессы. К середине XXI в. Россия, согласно прогнозам ООН, по численности населения опустится с нынешнего 9-го места

⁷ Конференция “Путешествие в мир искусственного интеллекта”. Президент России. Официальный сайт, 24.11.2023. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811> (accessed 21.07.2024).

на 14-е, оставаясь при этом самой населенной страной в Европе⁸. Более существенной проблемой России представляется старение населения. Увеличивается доля пожилых людей, а они, как правило, находятся вне рынка труда. Лидеры этого процесса сегодня – Япония, Испания и Италия. Но не минуют этого ни Китай, ни Индия. Нигерия, по-видимому, единственная крупная страна, где рост населения и повышение доли молодежи в нем продолжатся до конца XXI в. По данным на декабрь 2023 г., каждый десятый житель планеты старше 65 лет, а индустрия здравоохранения дает 10% глобального ВВП⁹.

В этом смысле трудно переоценить значение медицинских технологий, которые способны увеличивать не просто продолжительность жизни людей, но продолжительность их здоровой и социально активной жизни и тем самым ослаблять напряженность на рынке труда. Потребности всегда разворачивают технологический прогресс в направлении преодоления ограничений экономического роста по самому дефицитному ресурсу в каждый конкретный исторический период.

Серьезный риск, связанный с проблемой старения, – торможение инновационной активности, так как именно люди в возрасте до 40 лет, доля которых будет падать в течение всего XXI в., – основные генераторы и потребители инноваций. Пока этот риск смягчается многочисленностью молодежных когорт в Китае и Индии. Именно поэтому в этих двух странах фиксируется почти экспоненциальный рост патентования, массированного реинжиниринга и, соответственно, среднего класса. Демографическая ситуация обеспечивает Индии преимущество примерно до 2060 г., это уже видно по темпам роста экономики. В сочетании с переносом в страну высокотехнологических инвестиций, а также благодаря вкладу индийской диаспоры у Индии хорошие перспективы, поэтому ее позиция окажет влияние на будущую архитектуру мирового порядка, независимо от того или иного сценария трансформации. Американцы это понимают и в последние 20 лет буквально “вцепились” в эту страну.

Считаю, что Российской академии наук следует резко усилить научные и образовательные связи с Индией и с ее динамично развивающимися соседями по Юго-Восточной Азии – Вьетнамом, Малайзией, Индонезией. Ожидаемая напряженность на мировом рынке новых поколений инноваторов обостряет межстрановую конкуренцию за этот самый дефицитный ресурс. Думаю, мировой авторитет РАН – мощный инструмент по привлечению и удержанию молодежи, формированию ее творческой мотивации. Мы должны еще раз заявить об этом в год 300-летия Академии наук.

Идеология. Дирижизм¹⁰, или этатизм, – основной тренд и в экономической теории, и в экономической политике на Западе. Разворот в сторону огосударствления экономики начался с разочаровывающих результатов Вашингтонского консенсуса по переходу от плана к рынку в постсоциа-

⁸ World Population Prospects 2024. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division*, 2024. <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (accessed 22.07.2024).

⁹ Global Health Expenditure database. *World Health Organization*. <https://apps.who.int/nha/database> (accessed 02.12.2023).

¹⁰ Дирижизм – политика активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства в середине 1940-х годов во Франции и Великобритании.

листических странах. Финансовый кризис 2008-2009 гг. закрепил тренд на огосударствление, а пандемия коронавируса придала ему невиданные масштабы. В США в первых рядах наиболее активных сторонников усиления вмешательства государства во все сферы жизни находятся демократы, но не только они. Республиканцы также активно пропагандируют промышленную политику, отказ от свободы торговли, установление жесткого контроля над технологическими IT-гигантами и т.д.

Растет популярность установок так называемого культурного марксизма¹¹. Его истоки – в критической теории Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э. Фромм и др.). Эти установки перемещаются из области идейно-теоретических противостояний в сферу политического активизма. Так, лидеры движения *BLM* открыто преподносят себя в качестве “тренированных марксистских организаторов”. Суть стратегии, которая вдохновляется “культурным марксизмом”, – отказ от лобовой политической борьбы на баррикадах, поскольку пролетариат “перекуплен буржуазией и уже ни на что не способен”, да и ряды классического пролетариата стремительно редуют. Направление социальных перемен задают, с одной стороны, обладающие личностным ресурсом интеллектуалы, а с другой – маргиналы, стремящиеся утвердить свое “право на идентичность”. Стратегия активистов, образующих именно такое парадоксальное сочетание: интеллектуалов и маргиналов, – ползучий захват основных институтов власти и общества путем встраивания в массовое сознание “правильных” установок. В США борцы за политическую корректность уже подчинили себе систему школьного образования, университетские кампусы, ведущие СМИ, сферу развлечений (Голливуд). Госслужащих заставляют проходить курсы критической расовой теории, в соответствии с которой постулируется не только социально конструируемая природа расы и признание системного расизма [Delgado, Stefancic 2017: 45], но и чувство вины одной части общества перед другой. А это якобы требует возмещения морального и материального ущерба через адекватную такой идеологии организацию общественной жизни.

Подобные установки проталкиваются и в общественный дискурс. В нем уже доминируют идеи радикального феминизма, культуры отмены, антисистемного расизма и постколониализма, борьбы с глобальным потеплением и претендующей на универсальность и безальтернативность “зеленой” повестки. Как следствие энергетический переход мотивируется скорее идеологией, а не сравнительной рыночной эффективностью энергоносителей. В формировании “зеленой” повестки конкурируют разные эколого-политические дискурсы – эконационализм, экоимпериализм, “зеленый” рост, которые размывают привлекательность доминирующей модели устойчивого развития.

Другое универсальное оружие в борьбе с инакомыслием – политическая корректность. В крупных компаниях, госучреждениях и университетах разрабатываются и внедряются стратегии продвижения принципов *DEI* (*Diversity, Equity, and Inclusion* – разнообразие, справедливость, инклюзивность), а это – инструменты идеологического контроля над работниками. Университеты обязаны подавать отчеты о соответствии таким принципам и деятельности

¹¹ Mendenhall A. Cultural Marxism is real. *The James G. Martin Center for Academic Renewal*, 04.01.2019. <https://www.jamesgmartin.center/2019/01/cultural-marxism-is-real/> (accessed 02.12.2023).

по их продвижению, что вызывает растущую критику в связи с нарушением академических свобод и культивированием идеологического конформизма¹². Однако идейная цензура уже пустила глубокие корни в самых разных сферах общественной жизни, а вопрос о ее соотношении с демократией признается неполиткорректным. *Пересмотр культурной нормы* сам по себе стал культурной нормой, и это способствует углублению размежеваний в современных разделенных обществах, в первую очередь в США, но также и в странах Старой Европы [Семененко 2023].

С новой повесткой связан еще один любопытный феномен. В XX в. левые были прогрессистами – выступали за ускорение экономического роста, за быстрый технологический прогресс, за повышение благосостояния общества. Теперь среди них популярны идеи нулевого или даже отрицательного роста, “построста” [Buch, Koch 2017: 218]. Подобные идеологические установки обостряют вопрос об отношении к бедным странам Юга, но также и к своим бедным: социальное государство для всех в эту повестку не вписывается. Напротив, оно становится избирательным орудием поддержки “правильных” меньшинств. Это создает питательную почву для укрепления позиций популистских сил.

Такие противоречивые внутривнутриполитические процессы деформируют и общественное сознание, и принятие внутривнутриполитических и внешнеполитических решений. Новые элиты крайне идеологизированы. Политическая система США все менее эффективно регулирует экономику. Два рейтинговых агентства – *Standard & Poor's* и *Fitch Ratings* – понизили кредитный рейтинг США с высшего уровня AAA до AA+. В ноябре 2023 г. рейтинговое агентство *Moody's* понизило прогноз кредитного рейтинга США со “стабильного” на “негативный”. Все три агентства едины в определении главной причины такого понижения – нарастающей дисфункциональности политической системы. В сфере внешней политики с начала века США разрушили 16 важнейших международных договоров и соглашений по контролю над вооружениями, по мировой торговле, климату, Арктике [Дынкин 2020]. Иными словами, однополярный мировой порядок с его неограниченным стремлением к экспансии привел мир в зону сверхвысоких рисков. А доминирующие на Западе идеологии выявили свою несовместимость как с российскими, так и с китайскими ценностно-политическими проектами. Поэтому в сфере идеологий неизбежно нарастание жесткой конфронтации, а это – еще один шаг к биполярности.

Ученые ИМЭМО РАН не раз предупреждали о стратегических просчетах Запада относительно надежд: 1) на экономическую катастрофу в России в результате беспрецедентной в новейшей истории санкционной войны; 2) на незыблемость однополярного мироустройства; 3) на возможность глобальной блокады нашей экспортно-ориентированной экономики. И предупреждали не мы одни. В ответ – пропагандистские шаблоны: “страна-бензоколонка”, “региональная держава”, “порвем экономику в клочья”. Такая “экспертиза” заставила истеблишмент Вашингтона поверить в то, что Россия – *declining power*, “нисходящая держава”, стратегическими интересами которой можно безопасно пренебрегать. Такая “стратегическая невменяемость” – следствие

¹² AFA Calls for an End to Required Diversity Statements. Press Release. AFA, 22.08.2022. Princeton, NJ. <https://academicfreedom.org/afa-calls-for-an-end-to-required-diversity-statements/> (accessed 04.12.2023).

универсалистского мышления, продукт политического опыта Запада и его политической культуры, склонной к возведению в абсолют англо-саксонской и европейской исторической традиции, а также следствие непонимания сдвигов в распределении балансов сил в XXI веке.

Сегодня Россия – четвертая экономика мира по ППС, а в топ-5 мировых экономических держав входят три страны БРИКС и ни одной – из “цветущего сада” недавно уволенного Борреля. Теперь на пропагандистскую орбиту запущен новый нарратив: “Россия вот-вот нападет на Восточную Европу”. На логическую нестыковку образов *declining power* и одновременно “агрессивного медведя” закрывают глаза. Такое примитивное, одномерное восприятие сложных, нелинейных процессов ведет к разочарованиям. Так уже было. Было, в частности, когда Запад убаюкивал себя сказками о том, что китайские реформы ведут к политическому плюрализму. Итог – постоянные “сюрпризы”! Складывается ощущение, что эксперты на Западе все меньше понимают российские (да и любые иные, не-западные) реалии. Образно говоря, их взгляд устремлен в искажающее реальность зеркало заднего вида, сконструированное их собственной риторикой и пропагандой.

Но главным реальным сюрпризом стала фантастическая устойчивость экономики РФ. Возьму на себя смелость утверждать, что ни одна другая экономика мира, даже китайская, не выдержала бы такого агрессивного давления.

Высокая сопротивляемость экономики РФ внешним шокам объясняется тремя фундаментальными причинами.

Во-первых, это результат тяжелых, порою мучительных институциональных и структурных реформ. Но в итоге мы имеем на данный момент самодостаточную, адаптивную и высокодиверсифицированную рыночную экономику.

Во-вторых, кризис 2022 г. был уже *пятым*(!) в истории Новой России. Правительство, федеральные регуляторы, ЦБ накопили нелегкий профессиональный опыт антикризисных и контрциклических стратегий. То же самое можно сказать и о бизнесе. Наши экономические субъекты раз за разом демонстрируют, что результативных решений всегда больше, чем проблем.

Наконец, в-третьих, Запад просчитался в способности изолировать нашу экономику. Практикуемое им двойное сдерживание России и Китая на деле лишь укрепляет связи между странами БРИКС.

Трансформационные процессы 2020-х годов. Первая половина 2020-х годов окончательно похоронила то, что еще недавно называлось “европейской безопасностью”. Склеить эту “разбитую чашку” без России невозможно. Нежелание украинской стороны и Запада остановить вооруженный конфликт в самом его начале, опасная эскалация, постоянное нарушение НАТО собственных “красных линий”, вступление Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс – все это симптомы превращения европейской системы безопасности в трансатлантическую. Одновременно происходит кристаллизация евразийской системы безопасности. Итоги визита президента России В.В. Путина в КНР позволяют говорить о начале формирования “политического Востока” – если не как альтернативы давно существующему “политическому Западу”, но как равного партнера, без учета интересов которого все разговоры о глобальной безопасности, “основанной на правилах”, – пустые фантазии. В этом же русле лежит и первый после очередных выборов визит премьер-министра Н. Моди в Москву. Конечно, географию

не изменишь. Мы были и остаемся европейской державой. Но одновременно Россия – географический центр Евразии, обеспечивающий инфраструктурные опоры Евразийского партнерства, начиная от Севморпути и вплоть до Транссибирской магистрали, БАМа, трансазиатской автомагистрали, широтных трубопроводов. “Пост-украинский” же мир видится как движение к новой, евразийской, неделимой архитектуре безопасности, с опорой на существующие институты: Союзное государство, ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС, АСЕАН. Минск предлагает разработать хартию многополярности – стратегическое видение новой системы международных отношений, идущей на смену миру, “основанному на правилах”.

Важное событие 2024 г. из этого ряда – расширение объединения БРИКС (см. рис. 6). Потенциально его совокупная экономическая мощь достигает 67 трлн долл., что превышает суммарный ВВП стран “семерки”.

Рисунок 6 (Figure 6)

Экономический потенциал стран БРИКС
Economic potential of BRICS countries

БРИКС ВВП по ППС, млрд долл. 2023		Страны, вступившие в БРИКС в 2024 г.	В листе ожидания	
Россия	5 056,5	Египет	Азербайджан, Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гондурас, Зимбабве, Индонезия, Казахстан, Куба, Кувейт, Марокко, Нигерия, Никарагуа, Пакистан, Сенегал, Сирия, Таиланд, Турция, Уганда, Чад, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея и Южный Судан	
Китай	32 897,9	Иран		
Индия	13 119,6	ОАЭ		
Бразилия	4 101	Саудовская Аравия		
ЮАР	997,4	Эфиопия		
Потенциал БРИКС+ в 2024 г. 67 трлн долл.; G7 – 54 трлн долл. (Прогноз МВФ 2024 г. по ППС)				
Рынки	БРИКС+ в 2024 ш.		G7	
	Доля в мировом производстве, %	Доля в мировом потреблении, %	Доля в мировом производстве, %	Доля в мировом потреблении, %
Металлургия	70	65	14	14
Нефть	44	36	24	31
Минеральные удобрения	51	53	19	17
Продовольствие	57	58	15	16

Источник: расчеты А.А. Дынкина, ИМЭМО РАН по данным IMF, Food and Agriculture Organization, World Steel Association, Energy Transition Institute, Statistical Review of World Energy 2023, International Energy Agency.

А ведь еще 28 стран находятся в “листе ожидания”. БРИКС по ряду важнейших рынков (металлы, автомобилестроение, нефть, минеральные удобрения и др.) превосходит или не уступает потенциалу стран G7. Перед Россией, к которой в 2024 г. перешло председательство в БРИКС, стоит задача активизации согласованной экономической и технологической политики стран-членов. Такая политика – институциональный блок будущего полицентричного мира.

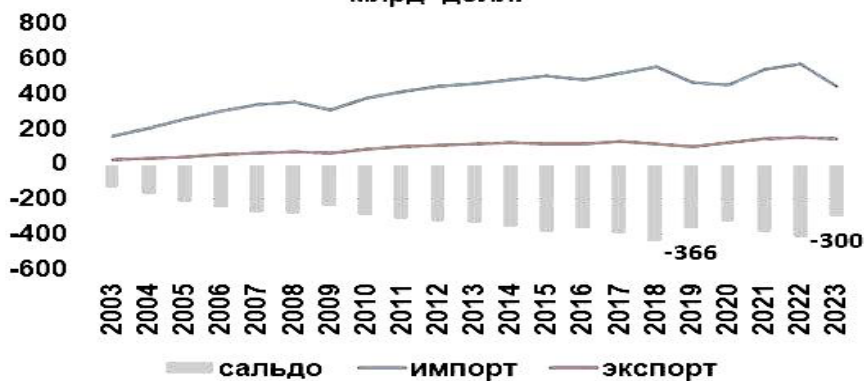
Каким будет грядущий миропорядок? Какая из двух тенденций – к биполярности или к полицентризму – возобладает в итоге, сказать сложно. Скорее возможно их сопряжение: скажем, на глобальном Севере – жесткая биполярность, а на глобальном Юге – полицентризм. На Севере биполярность – военная, экономическая и технологическая – уже просматривается. Любопытно, что в Нью-Дели принято относить КНР к странам Севера [Jaishankar 2020: 240].

Такая точка зрения имеет под собой основания, поскольку Китай по показателю ВВП на душу населения (12 541 долл.) далеко опережает страны глобального Юга. Например, в Индии этот показатель равен 2 612 долл.¹³ Разъединение экономик США и Китая идет пока не в области торговли, а в сферах технологий и инвестиций. В 2023 г. приток прямых иностранных инвестиций в Китай сменился обратным процессом (выводом вложенных ранее средств). Динамика изменила свой знак, отток приблизился к показателю -1,5 трлн долл. (см. рис. 7). Одновременно макрорегион АТР приобретает большую внутреннюю динамику, которая отличает его от Европы и Северной Америки.

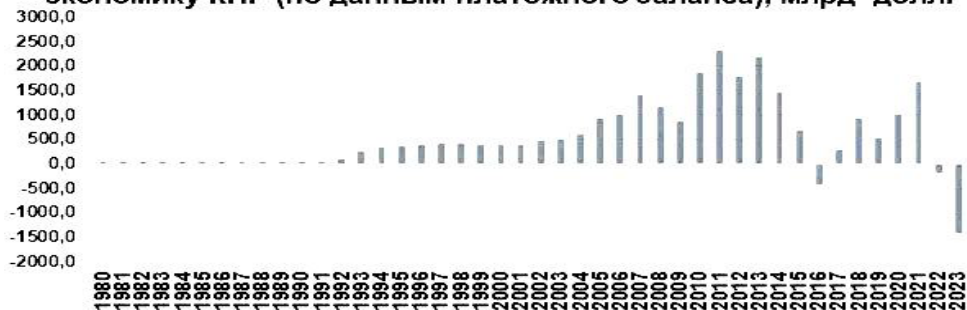
Рисунок 7 (Figure 7)

Разъединение экономик Китая и США
Decoupling of China's and U.S. economies

США: динамика товарной торговли с Китаем,
млрд долл.

Динамика притока прямых иностранных инвестиций в
экономику КНР (по данным платежного баланса), млрд долл.

Источник: UN Comtrade Database. <https://comtradeplus.un.org/>; State Administration of Foreign Exchange (SAFE) of the People's Republic of China. <https://www.safe.gov.cn/en/> (accessed 01.12.2023).

В то же время сохраняется и тренд к политической полицентричности. Скажем, по палестино-израильскому конфликту Нью-Дели и Анкара изначально заняли диаметрально противоположные позиции. Это тоже контуры

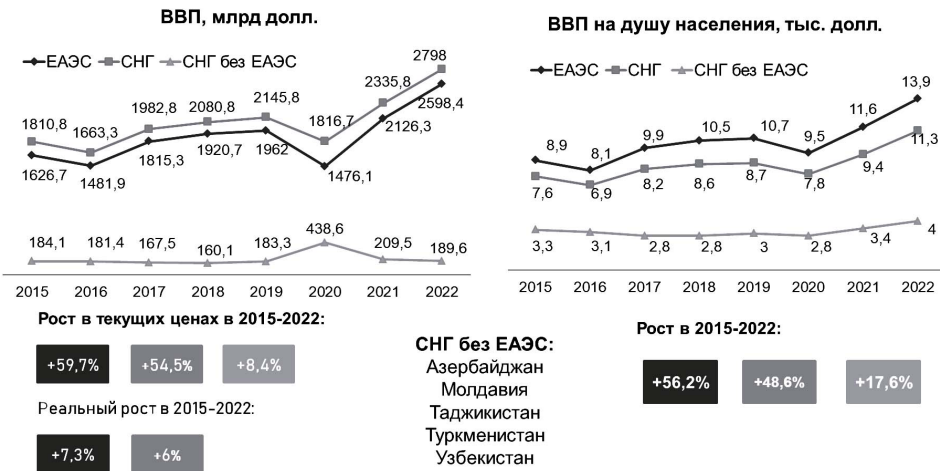
¹³ World Economic Outlook Database (October 2023 Edition). *International Monetary Fund*, 10.10.2023. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October> (accessed 21.07.2024).

постоднопольярности, когда новые центры силы, принимая решения, все больше руководствуются собственными интересами, а не “правилами” либо советами из Вашингтона, Пекина, Москвы. Думаю, не стоит надеяться, что будущий мировой порядок окажется бесконфликтным. Мир сохранит многообразие, различие потенциалов стран и их конкуренцию. Важно, чтобы, несмотря на это, уважались интересы больших и малых стран, а проблемы решались путем конструктивного диалога.

Россия первая бросила вызов пресловутому однополярному мировому порядку. Сегодня можно констатировать, что большинство стран глобального Юга поддержали этот вызов, не согласились с западной трактовкой конфликта на Украине. Будущий мировой порядок формируется на наших глазах. Уверен, что многополярный мир предпочтительнее для России как развитой, самодостаточной и суверенной страны. Но такой мир требует и новой системы глобального управления, развития и укрепления ее институтов, таких как БРИКС, G20, ШОС, ЕАЭС. Скажем, у стран-членов ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Кыргызстан) дела идут гораздо лучше, чем у пяти других постсоветских стран. В 2022 г. ВВП на душу населения в странах Евразийского экономического союза в 3,5 раза превышал средний аналогичный показатель для пяти других стран СНГ, но не членов ЕАЭС (Азербайджан, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) (см. рис. 8). Наша стратегия в этих организациях требует обоснованного подхода и “стереоскопического” видения с социально-экономической, научно-технологической и политической точек зрения. И здесь большая роль должна принадлежать РАН как лидеру научного и экспертного сообщества.

Рисунок 8 (Figure 8)

Экономическая динамика стран ЕАЭС и СНГ
Economic dynamics of EAEU and CIS countries

Источник: ЕЭК. <https://eec.eaeunion.org/?ysclid=lr7rtdg7np631919243>; IMF. <https://www.imf.org/>; Всемирный банк. <https://www.worldbank.org/> (accessed 21.07.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, скажу, что есть весомые аргументы в пользу как *многополярности*, так и *новой биполярности*. Похожими вопросами задаются ведущие американские эксперты: “Какой порядок придет на смену разрушающейся системе американского лидерства, далеко не ясно. Удастся ли Китаю сместить Соединенные Штаты с позиции глобального гегемона и стать мировым лидером по новым правилам, написанным иероглифами? Станет ли мир биполярным, разделенным на два более или менее жестко определенных блока, ведомыми США и Китаем? Возникнет ли в действительности многополярный мир на основе нескольких государств или их коалиций, более или менее равных по силе?” [Graham 2023: 272], – на эти вопросы еще предстоит дать ответ, окончательные выводы в данном случае пока преждевременны. В условиях столь высокой неопределенности следует быть готовыми к любому сценарию развития событий. Базовой предпосылкой такой готовности является стратегическая автономия России, опирающаяся на военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами.

Фундаментальный вопрос, на который у автора сегодня нет ответа: насколько вероятно *установление нового мирового порядка* без большой войны? В 2024 г. в 50 странах мира, на которые приходится более 45% мирового ВВП и населения, пройдут (а где-то уже прошли) президентские или парламентские выборы. Возможно, их результаты прояснят наше видение ближайшего будущего.

22

DOI: [10.17976/jpps/2024.05.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02)

WORLD ORDER TRANSFORMATION: ECONOMY, IDEOLOGY, TECHNOLOGY

A.A. Dynkin¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DYNKIN, Alexander Alexandrovich, Dr. Sci. (Econ. Sci.), Academician, President, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: dynkin@imemo.ru

Dynkin, A.A. (2024). World order transformation: economy, ideology, technology. *Polis. Political Studies*. 5, 8-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

The author expresses gratitude to his colleagues at IMEMO RAS R.I. Kapelyushnikov, V.D. Milovidov, I.S. Semenenko, I.V. Danilin, S.V. Zhukov, K.V. Bogdanov, A.P. Guchanova for consultations and assistance in preparing the article.

Received: 05.07.2024. Accepted: 25.07.2024

Abstract. The article considers macro-trends and short-term trends in the transformation of the world order. The author introduces the classification of international relations systems and proposes an interpretation of the patterns according to which they change. The author evaluates the historical dynamics of the balance of economic and military power of states, the influence of technological progress, demographic trends, and ideologies on the architecture of the upcoming post-unipolar world order. Its contours are determined by a contradictory set of factors leading towards multipolarity but also a new bipolarity.

Keywords: world order, systems of international relations, technological progress, demographic trends, ideology, aggregate productivity factor, polycentrism (multipolarity), new bipolarity.

References

- Büchs, M., & Koch, M. (2017). Critiques of growth. In M. Büchs, & M. Koch. *Postgrowth and Wellbeing: Challenges to Sustainable Welfare* (pp. 39-56). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59903-8_4
- Delgado, R., & Stefancic, J. (2017). *Critical race theory. An introduction*. New York: New York University Press.
- Graham, T. (2023). *Getting Russia right*. UK: Polity Books.
- Huntington, S.P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22-49. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>
- Jaishankar, S. (2020). *The India way: strategies for an uncertain world*. New Delhi; New York: Harper Collins Publishers India.
- Kupchan, C. (2021). Bipolarity is back: why it matters. *The Washington Quarterly*, 44(4), 123-139. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2021.2020457>
- Yan Xuetong. (2016). Political leadership and power redistribution. *The Chinese Journal of International Politics*, 9(1), 1-26. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow002>
- Dynkin, A.A. (2020). International turbulence and Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 90(2), 127-137. <https://doi.org/10.1134/S101933162002001X>.
- Primakov, E.M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International Relations on the eve of 21st century: problems, prospects]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 10, 3-13. (In Russ.)
- Semenenko, I.S. (2023). Razdelyonnye obshchestva [Divided societies]. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]* (pp. 27-35). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.) <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2023/Identichnost-Semenenko-2023.pdf>

Литература на русском языке

- Дынкин А.А. 2020. Международная турбулентность и Россия. *Вестник РАН*. Т. 90. № 3. С. 208-219. <https://doi.org/10.31857/S0869587320030032>. EDN: WINCQO.
- Примаков Е.М. 1996. Международные отношения накануне XXI в.: проблемы, перспективы. *Международная жизнь*. № 10. С. 3-13.
- Семененко И.С. 2023. Разделенные общества. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 27-35. <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2023/Identichnost-Semenenko-2023.pdf>. EDN: NTQYRB.